

ит, что ни чувственное упоение праздником жизненных радостей («Не знаю, как созданы люди другие...»), ни «враждебное слово отрицания» не открывают человеку возможности одоления этих безличных его врагов. И даже «труп его увидя», кто на самом деле сможет понять, «как любил он, ненавидя»?..

В-третьих, во всех этих столь же личных, сколь и общечеловеческих признаниях поэта есть некие глубоко запрятанные мысль и переживание, которые представляют собой сугубо интимную сторону личности поэта, остро волнующую именно его проблему, к которой он раз за разом настойчиво возвращается.

В своих «Последних элегиях» Некрасов упорно варьирует уже не мотив *несостоявшейся, но обманувшей* его жизни. В чем же, однако, заключался этот «обман»? И что это был за непосильный труд, который отнял у поэта его последние силы?

Не раз, упав лицом в сырую землю,
С отчаяньем, голодный, я твердил:
«По силам ли, о боже! труд подъемлю?» —
И снова шел, собрав остаток сил.

(Т. 1. С. 167)

Ближайшим биографическим комментарием к приведенной цитате, казалось бы, могут служить автобиографические воспоминания поэта последних лет жизни и его предсмертные «диктанты» о первых годах своей литературной деятельности,¹⁰ а также рассказы А. Я. Панаевой о разразившейся весной 1848 года «цензурной буре» и о тех исключительных усилиях Некрасова, благодаря которым «Современник» не погиб уже на второй год своего существования под новой редакцией.¹¹ То есть вся беда, как можно было бы думать, в том именно и состояла, что провинциальный отрок слишком на большое дело замахнулся — на литературную карьеру в столице, а затем и на «свой» журнал, многотысячное предприятие, — без собственных средств, с не самым серьезным редакторско-издательским опытом, с надеждами на сотрудничество авторов, которые, однако, вскоре от него отступились, и лишь с поразительным литературным чутьем, оборотливостью, способностью работать, не щадя ни себя, ни других, страстным упорством и неистребимой жаждой успеха. Он «слишком многое» захотел взять от жизни, слишком высоко поднял планку, «не соразмерив сил с дорогой трудной», и надорвался на этом пути.

Однако стихи поэта содержали и иной, менее очевидный смысл. Для его выявления необходим специальный историко-биографический экскурс. В уже цитированных воспоминаниях Некрасова поэт, обращаясь ко времени издания им первого юношеского сборника своих стихов, указывает: «Я роздал на комиссию экземпляры (первого поэтического сборника «Мечты и звуки». — Н. П.), ни одного не продано, это был лучший урок. Я перестал писать *серьезные* стихи и стал писать *эгоистические*».¹² В другом месте ту же реакцию на полученный жизненный урок поэт описал так: «Отказался писать *лирические* и вообще *нежные произведения в стихах*».¹³

То, почему юный Некрасов считал «нежные произведения в стихах» «серьезными», а произведения «не лирические» (и чаще прозу) «эгоистическими», позволяет понять чудом дошедшее до нас единственное письмо по-

¹⁰ ПСС. Т. 13. Кн. 2. С. 48, 59, 357; Лит. наследство. 1949. Т. 49—50. С. 203—204, 207.

¹¹ Панаева (Головачева) А. Я. Указ. соч. С. 174—179.

¹² ПСС. Т. 13. Кн. 2. С. 58.

¹³ Там же. С. 47.